

Мемуарная проза

Марина Цветаева
Слово о Бальмонте

«Public Domain»

Цветаева М. И.

Слово о Бальмонте / М. И. Цветаева — «Public Domain»,
— (Мемуарная проза)

ISBN 978-5-457-31460-3

Проза поэта о поэтах... Двойная субъективность, дающая тем не менее максимальное приближение к истинному положению вещей. Бальмонт — глазами Марины Цветаевой.

ISBN 978-5-457-31460-3

© Цветаева М. И.
© Public Domain

Марина Цветаева Слово о Бальмонте

Трудно говорить о такой несоизмеримости, как поэт. С чего начать? И на чем кончить? И как начать и кончить, когда то, о чем ты говоришь: – душа – *всё* – везде – всегда.

Поэтому ограничусь личным, и это личное ограничу самым насущным, – тем, без чего Бальмонт бы не был Бальмонтом.

Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы не задумываясь сказала: – Поэт.

Не улыбайтесь, господа, этого бы я не сказала ни о Есенине, ни о Мандельштаме, ни о Маяковском, ни о Гумилеве, ни даже о Блоке, ибо у всех названных было еще что-то, кроме поэта в них. Больше или меньше, лучшее или худшее, но – еще что-то. Даже у Ахматовой была – отдельно от стихов – молитва.

У Бальмонта, кроме поэта в нем, нет ничего. Бальмонт: поэт: адекват. Поэтому когда семейные его, на вопрос о нем, отвечают: “Поэт – спит”, или “Поэт пошел за папиросами” – нет ничего смешного или высокопарного, ибо именно поэт спит, и сны, которые он видит – сны поэта, и именно поэт пошел за папиросами – в чем, видя и слыша его у прилавка, никогда не усумнился ни один лавочник.

На Бальмонте – в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда – поэта.

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира —
Быть может, всех ничтожней он.*

Это сказано *не* о Бальмонте. Бальмонта Аполлон *всегда* требовал, и Бальмонт в заботы суетного света *никогда* не погружался, и святая лира в его руках *никогда* не молчала, и душа хладного сна *никогда* не вкушала, и меж детей ничтожных мира Бальмонт не только не был всех ничтожней, но вообще между ними никогда не был и таковых не знал, самого понятия ничтожества не знал:

*Я не знаю, что такое – презренье, —
Презирать никого не могу!
У самого слабого были минуты горенья,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо ВРАГУ.*

Возьмем быт. Бальмонт от него абсолютно свободен, ни малейшей – даже словесной – сделки. “Марина, я принес тебе монеты...” Для него деньги – именно *монеты*, даже бумажные жалкие ассигнации для него – червонцы. До франков и рублей, частности, он не снижается никогда. Больше скажу: он с бытом незнаком. Кламар под Парижем, два года назад. Встречаю его, после довольно большого перерыва на неминуемой в каждом предместье главной улице с базарным названием “Rue de Paris” (Вариант: “Rue de la Republique”). Радость, рукопожатия, угрызения, что так долго не виделись, изумление, что так долго могли

друг без друга... – “Ну, как ты жил все это время? Плохо?” – “Марина! Я был совершенно счастлив: я два месяца пребывал в древней Индии”.

Именно – пребывал. Весь.

С Бальмонтом – всё сказочно. “Дороги жизни богаты” – как когда-то сказал он в своих “Горных Вершинах”. – Когда идешь с Бальмонтом – да, добавлю я.

Я часто слышала о Бальмонте, что он – высокопарен.

Да, в хорошем, корневом, смысле – да.

Высоко парит и снижаться не желает. Не желает или не может? Я бы сказала, что земля под ногами Бальмонта всегда приподнята, т. е.: что ходит он уже по первому низкому небу земли.

Когда Бальмонт в комнате, в комнате – страх.

Сейчас подтверждаю.

Я в жизни, как родилась, никого не боялась.

Боялась я в жизни только двух человек: Князя Сергея Михайловича Волконского (ему и о нем – мои стихи Ученик – в Ремесле) – и Бальмонта.

Боялась, боюсь – и счастлива, что боюсь.

Что значит – боюсь – в таком свободном человеке, как я?

Боюсь, значит – боюсь не угодить, задеть, потерять в глазах – высшего. Но что между Кн. Волконским и Бальмонтом – общего? Ничего. Мой страх. Мой страх, который есть – восторг.

Никогда не забуду такого случая.

1919 г. Москва. Зима. Я, как каждый день, зашла к Бальмонтам. Бальмонт от холода лежит в постели, на плечах – клетчатый плед.

Бальмонт: – Ты, наверное, хочешь курить?

Я: – Нне очень... (Сама – изнываю.)

– На, но кури сосредоточенно: трубка не терпит отвлечений. Главное – не говори. Потом поговоришь.

Сижу и сосредоточенно дую, ничего не выдувая. Бальмонт, радостно: – Приятно? Я, не менее радостно: – М-м-м...

– Когда ты вошла, у тебя было такое лицо – такое, Марина, тоскующее, что я сразу понял, что ты давно не курила. Помню, однажды, на Тихом Океане...

– Рассказ. – Я, не вытянув ничего, неослабно тяну, в смертном страхе, что Бальмонт, наконец, заметит, что курение – призрак: тень воина курит тень трубки, набитой тенью табачного листа, и т. д. – как в индийском загробном мире.

– Ну, теперь покурила. Дай мне трубку.

Даю.

Бальмонт, обнаруживая целостность табака: – Но – ты ничего не выкурила?

Я: – Ннет... все-таки... немножечко...

Бальмонт: – Но зелье, не загоревшись, погасло?... (Исследует.) Я ее слишком плотно набил, я ее просто – забил! Марина, от любви к тебе, я так много вложил в нее... что она не могла куриться! Трубка была набита – любовью! Бедная Марина! Почему же ты мне ничего не сказала?

– Потому что я тебя боюсь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.